

УДК 323.21(477)

Н.Ю. Ротар

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В ЭПОХУ ВТОРОГО МОДЕРНА: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОЙ МОДЕЛИ

Автор обосновывает идею о том, что Второй модерн в интерпретации авторов концепта является новым политическим проектом, который формируется и существует в обществе рисков и в условиях мирового сообщества. Установлено, что скорее можно говорить про определение направления поисков ответов на поставленные вопросы, чем об окончательной интерпретации Второго модерна как общественного явления, а сформулированные на сегодня идеи способствуют определению характера эволюции политического участия граждан на национальном и глобальном уровнях.

Политические преобразования на постсоветском пространстве, происходящие в противоречивый по природе и сути период, который объединил и одновременно усилил процессы глобализации и регионализации, интеграции и фрагментации, ставят перед политической наукой ряд проблемных вопросов, связанных с необходимостью объяснения новой реальности, требуют формулирования адекватных концептуальных положений о функциональных аспектах политической субъектности граждан. В этом контексте особую актуальность и значимость приобретает проблема осмысления участия граждан в политических процессах трансформационного периода, которые происходят в эпоху Второго модерна.

Исследование Второго модерна посредством парадигмы политического инструментария имеет непродолжительную практику. Однако интенсивность и характер дискуссий вокруг идей, интегрированных в сферу политологического дискурса У. Беком и Э. Гиденсом, демонстрируют их актуальность.

Понятие Второго модерна является достаточно новой категорией анализа социального и политического, которая трактуется по-разному. Э. Гидденс, характеризуя период модерна как радикальный модерн, определяет ряд его базовых черт. Во-первых, институциональное развитие формирует в массовом сознании чувства фрагментарности и дисперсии социальной реальности, которые диалектически связаны с основными тенденциями развития мира по пути глобальной интеграции. Во-вторых, активизируется процесс рефлексии гражданина относительно его самоидентификации. В-третьих, в общественном сознании проблемы глобального уровня начинают доминировать над локальными проблемами. В-четвертых, повседневная жизнь превращается в комплекс реакций на абстрактные системы, что приводит как к социальным потерям, так и к достижениям. В-пятых, скоординированные политические действия возможны и становятся необходимы одновременно как на глобальном, так и на локальном уровнях. В-шестых, развитие предполагает выход за пределы институтов радикального модерна, что может привести к постмодерну [1, p. 150].

Раскрывая характер радикального модерна, Э. Гидденс указывает на его максимально возможный динамизм и невероятную скорость изменений во всех сферах функционирования общества. Параллельно радикальный модерн провоцирует нарушение внутренней природы политических институтов, который на уровне политического процесса выражается в разрыве политической преемственности, нарушении структурно-функциональной целостности, характерной для линейной динамики модерна. Наконец, это приводит к динамичности знания о политическом, процессе трансформации поли-

тических институтов и моделей политического участия, которые постепенно избавляются от преемственности и традиционных оснований.

Рассматривая феномен глобализации модерна, Э. Гидденс указывает, что идея общества как связанной системы должна быть заменена идеей пространственно-временного дистанционирования. Концептуально Э. Гидденс направляет наше внимание на комплекс отношений между локальным привлечением (обстоятельствами из присутствия) и взаимодействием на расстоянии (связей присутствия и отсутствия). В современную эпоху уровень пространственно-временного дистанционирования значительно выше, чем в любой предыдущий период, и отношения между местными и удаленными социальными нормами и событиями становятся растянутыми. Глобализация принадлежит к процессам растяжения и является интенсификацией социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на большом расстоянии от них и наоборот. Глобализация имеет четыре институциональных измерения (мировая капиталистическая экономика, система национальных государств, мировой военный порядок и международное разделение труда), которые в совокупности меняют качественное состояние мира.

У. Бек также указывает на то, что на современном этапе модернизации стали более подвижными базовые принципы существования современного общества, в частности: 1) отождествление общества с национальным государством, соответственно, контейнерная модель национально-государственного организованного общества; 2) идеализация общества полной занятости, и, соответственно, формализованной системы трудовых отношений со стандартизированными трудовыми биографиями; 3) укоренение в классовых культурах массовых партий; 4) традиционная система гендерных отношений и распределения ролей в обществе [2, с. 7]. Эти процессы спровоцировали появление нового политического проекта – Второго модерна, который обозначен ростом модернизационных рисков и глобализационных процессов, формирующих в совокупности условия для системного изменения политического и политики. Общество Второго модерна постепенно вырабатывает основное базовое качество – рефлексивность политики, которая является самопротиставлением и самоконфронтацией модерна. В отдаленной перспективе рефлексивность политики приводит к полной рационализации действий человека в сфере политики.

Отрицая концепцию модерна и постмодерна, У. Бек предлагает использовать теорию Первого и Второго модерна, в которой рефлексивная модернизация является переходным периодом от Первого модерна ко Второму. Базовым отличием эпохи Второго модерна является процесс глобализации, который создает «транснациональные связи и пространства, обесценивает локальные культуры, что способствует возникновению третьих культур» [3, с. 28], заставляет пересмотреть все сферы функционирования общества в контексте дихотомии локальное – глобальное.

Итак, рефлексивная модернизация, по У. Беку, является модернизацией модерна: «модерн становится проблемой для самого себя; его базовые принципы, основные параметры и ключевые институты в процессе радикальной модернизации подвергаются коррозии изнутри; проект модерна должен быть заново обсужден, пересмотрен и реконструирован» [4, р. 47]. Ученый подчеркивает, что модернизация превращается из простой в рефлексивную по мере того, как разрушаются базовые установки модерна, которые со временем теряют легитимность как предпосылки и стандарты правового государства, социального государства, национальной экономики, корпоративной системы и системы парламентской демократии.

С разрушением базовых установок модерна происходит разрушение одной из основ политического участия – политических идентичностей в их традиционном по-

нимании. В соответствии с идеями У. Бека, глобализационные процессы будут способствовать формированию нового понимания и нового типа космополитической идентичности, которая предусматривает принципиальную открытость *другому* на глобальном уровне и одновременную привязку к конкретной локальной реальности. Размышляя над проблемами трансформации идентичности, в том числе и политических, российский исследователь Д. Драгунский подчеркивает, что идентичность эпохи модерна для гражданина определялась устойчивой и плотной сеткой внешних по отношению к нему координат, хотя и оставалась идентичностью в себе. Второй модерн разрушает привычные ориентиры, однако гражданин не испытывает радости от освобождения политических ограничений, связанных с границами и визовыми ограничениями. Наоборот, большинство пытается либо вернуться к привычной для себя сетке, либо сформировать для себя новую, адекватную современности сеть идентичностей [5, с. 5–7]. Однако политическая идентичность в иерархии идентичностей Второго модерна не занимает тех, достаточно высоких позиций, типичных для современных обществ. По нашему мнению, это связано с необходимостью переосмысления сути национальных и религиозных идентичностей, усвоением нового формата социально-экономических идентичностей и определением себя в системе новых идентичностей, возникающих на фоне содержательно обновленной социальности.

На уровне политического участия это оборачивается увеличением спроса на политическое неучастие, так называемый обновленный абсентеизм, который будет отличаться от абсентеизма первого модерна повышенной вероятностью отсутствия какого-либо опыта политического участия. С одной стороны, это объясняется переориентацией гражданина на представительство интересов на внеполитическом уровне, за пределами института политических партий. В этом контексте конструктивным представляется утверждение У. Бека, что в эпоху Второго модерна происходят опасные процессы потери политическими институтами ряда политических функций, которые переходят в социальные сети, не имеющие отношения к сфере власти и ее легитимации (инверсия политики и неполитиков). Это приводит к формированию системы субполитик – «дополнительного шанса для деятельности и узурпации власти за пределами политической системы» [4, с. 14].

Кроме того, в условиях глобализации происходит объективное уменьшение количества граждан, проживающих в тех национальных государствах, с которыми связаны их политические права, в частности, право политического участия. Оценивая эти процессы, У. Бек подчеркивает, что «политическое во Втором, глобальном модерне не вымерло, а эмигрировало. На наших глазах, нашими руками осуществляется смена понятий и форм политического, для восприятия и исследования которых пока отсутствуют исторически проверенные категории и формы мировосприятия. Структура шансов политического прорывается сквозь дуализм национального и интернационального и размещается в «глокальном» пространстве» [2, с. 12], которое сочетает черты глобального и локального, разрывая гражданина между этими двумя плоскостями социальности.

Следовательно, политическое как таковое не исчезает, а трансформируется, и центр внимания переносится в другую плоскость: в эпоху Второго модерна наибольшим потенциалом политизации наделяются риски – систематическое взаимодействие с угрозами и опасностями, которые вырабатываются самим процессом модернизации [6, с. 21]. Страх, соединенный с постоянным ожиданием негативных последствий социальных процессов и политических курсов, формирует специфическую политическую реальность. Общество рисков становится сконструированной неопределенностью в сфере политики, которая впоследствии приводит к коллективной безответственности и становится еще одной причиной распространения обновленного абсентеизма. Нельзя не согласиться с И. Кононовым, который, оценивая процесс и результаты трансформа-

ции политического поля в эпоху Второго модерна, делает вывод, что оно должно расширяться «и приобрести как минимум четырехуровневый характер – глобального, национального, регионального и местного» [7, с. 240], что будет способствовать уменьшению уровня самоконфронтационного потенциала Второго модерна. Соответственно, неизбежно трансформируется содержание политического участия. Если сегодня основные модели политического участия (электоральная, дискурсивная и протестная) [8] привязаны к электоральному циклу, то четырехуровневая модель политического выводит их за пределы национального электорального процесса. Существующая сегодня практика электорального участия на уровне выборов в Европарламент свидетельствует, что региональный и глобальный уровни политического недостаточно освоены гражданами европейских стран, а ориентации на участие в процессах наднационального уровня для большинства граждан находятся в зоне скептицизма.

Одним из основных источников самоконфронтации второго модерна У. Бек считает то, что «в наши дни не все, конечно, но все возрастающее количество людей торгуют, работают, любят, женятся, осуществляющих исследования на интернациональном уровне, а их дети воспитываются в нескольких государствах и получают образование также интернационально... Так какие же у нас основания ожидать, что политическая лояльность и идентичность по-прежнему остаются привязанными исключительно к нации? (имеется в виду национальному государству – Н.Р.)» [9, с. 20]. Безусловно, национальные государства не лишились своей силы в эпоху глобализации. Индикатором этих процессов является ограничение национальным государством транснациональности, в том числе и на уровне политического участия, которая сегодня находится в прямой зависимости от такой статусной позиции личности как гражданство.

Проблема участия неграждан в политическом процессе страны, в которой они проживают, является весьма актуальной для современной политической науки. Это обусловлено проблемой получения и реализации политических прав негражданами как в странах стабильной демократии, так и в странах постсоветского пространства.

В теоретическом решении проблемы политического участия неграждан в условиях Второго модерна можно, по нашему мнению, выделить несколько основных подходов. М. Дж. Миллер, будучи сторонником традиционного решения вопроса соотношения гражданства и политических прав человека, подчеркивает, что лишение неграждан политических прав не всегда должно иметь абсолютный характер. Например, Великобритания, которая как член наднационального Содружества наций предоставляет в полном объеме избирательные права всем негражданам, которые являются гражданами стран Содружества или Ирландии [10].

Ю. Хабермас предлагает систему гражданства национальных государств заменить на систему гражданства мира, что поможет избежать политических конфликтов мирового масштаба [11, с. 38–37]. Поддерживая Ю. Хабермаса, С. Конопацкий видит в космополитическом гражданстве ответ на современное развитие капитала, поэтому считает, что политические аспекты гражданства не должны становиться препятствием экономическому потенциалу глобализованного мира [12, р. 210].

Третий подход наиболее полно представлен идеями Р. Брубейкера, который утверждает, что правительства всех стран должны быть заинтересованы в том, чтобы большинство неграждан получили гражданство. Это касается как легализованных мигрантов в странах Западной Европы и Северной Америки, так и лиц без гражданства в странах Прибалтики. В последнее время в странах стабильной демократии получила развитие система двойного членства, которая представляет собой два концентрических круга. Внутренний круг символизирует тех членов общества, которые входят в национальное политическое сообщество и являются гражданами. Внешний круг символизирует членство в национальном социально-экономическом сообществе и охватывает помимо

граждан, постоянно проживающих в стране, иностранцев, неграждан и (в случае Европы) граждан стран ЕС, проживающих в стране. Членство в политическом сообществе, которое предусматривает привилегии и обязанности, в том числе и право в формировании общенациональной политики путем политического участия, не распространяется на членов более широкого социально-экономического сообщества. Парадоксом сосуществования двух концентрических полей Р. Брубейкер называет самоисключение или исключение члена социально-экономического сообщества из сообщества политической. Самоисключение связано с тем, что надежный статус натурализованного иностранца может удовлетворять человека и замедлять его действия на пути получения статуса гражданина. Однако демократия, по мнению исследователя, может состояться только при условии максимального соответствия контуров внешнего и внутреннего кругов [13].

Созвучным с идеями Р. Брубейкера является понимание политического участия, сформированное в рамках коммунитарной теории. Один из ее представителей Х. Ларди считает категорию политического участия центральной в процессе создания устойчивого политического сообщества (общины). С помощью политического участия индивидуальные акторы в первую очередь познают себя и осознают собственные политические интересы, социализируются и реализуются в определенной политической системе, согласно ее нормам и правилам. Поэтому неправильно отрицать право политического голоса за теми, у кого отсутствует юридический статус гражданина [14, р. 80].

Одновременно в современной политической науке авторитетным является консервативный подход, согласно которому только полноправные граждане (при всех прочих равных условиях) являются достаточно компетентными для участия в выработке решений, которые станут обязательными для всей политической системы. Автор идеи Р. Даль отмечает: «К корпусу граждан страны, которая управляется в соответствии с демократическими нормами, должны входить все лица, на которых распространяется юрисдикция данной страны, за исключением тех, кто находится в ней временно, и тех, чья недееспособность доказана» [15, с. 78]. Одновременно исследователь признает, что любая группа взрослых людей, которая исключена из демоса, поскольку нет гражданства, «неизбежно оказывается ущемленной в защите своих интересов. Исключая, демос обычно не защищает интересы исключенных» [16, с. 94].

По нашему мнению, дискуссия относительно характера и форм участия неграждан в политических процессах страны проживания в условиях Второго модерна приобретает особую актуальность. В условиях существенных диспропорций уровня политического и экономического развития стран современного мира говорить о космополитическом гражданстве не представляется возможным. Более адекватным будет предоставление легализованным негражданам прав участия в процессах управления на местном уровне.

В обществе Второго модерна одна из ведущих ролей принадлежит информационным технологиям, которые стимулируют усвоение гражданами новых форм политической активности, что приводит к формированию потребности в электронных формах политического участия, которое приближает гражданина к сфере политического и одновременно дистанцирует его от нее. Для реализации электронных форм политического участия особенно важное значение имеют способы политической коммуникации, которые воспринимаются обществом. Теоретики Второго модерна выделяют три основных способа политической коммуникации, которые основаны на использовании различных средств политической коммуникации: 1) коммуникация через средства массовой информации – печатные и электронные; 2) коммуникация через политические институты и организации, когда транслирующим звеном являются политические партии и группы интересов; 3) коммуникация через неформальные каналы с использованием личных связей.

Согласно теории Второго модерна, информация необходима для осуществления власти и принятия политических решений. Однако речь идет не об информации как таковой, не о «социальной информации». Ф. Ферраротти отмечает, что социальную информацию не следует путать с коллективной информацией – миром коммуникативных знаков и сообщений СМИ и другими знаками повседневного опыта человека: «Социальная информация – это такая информация, которая охватывает все политически и социально значимые темы, касающиеся взаимодействия граждан и институтов. В этом смысле абсолютно правомерно утверждать, что социальная информация касается и входит в само понятие власти» [17, р. 157]. Соответственно, Второй модерн провоцирует ситуацию, в которой тот, кто контролирует систему социальных коммуникаций, тот осуществляет власть и политическое влияние. Итак, поиск информации является выражением активной социальной позиции, а отсутствие информации означает неучастие в системах принятия решений и политических организациях, то есть является отчуждением от политики.

Ф. Ферраротти доказывает, что политическая власть как таковая должна быть исключительно коллективной функцией, а не прерогативой отдельных политиков, групп и классов. Для обеспечения выполнения политической властью этой функции, планирования политики и трансформации в системе политических отношений, необходимо поддерживать процесс формирования и трансляции именно социальной информации, которая необходима для того, чтобы, во-первых, защитить общественные инициативы от деструктивного влияния бюрократии; во-вторых, гарантировать эффективность давления снизу не путем декларации лозунгов или создания эмоционального кризиса, а через создание локальных автономных институтов, которые обеспечат участие граждан в процессах социальной и политической эволюции; в-третьих, обеспечить такие условия, чтобы политические решения отвечали интересам граждан, которые должны иметь возможность контролировать время и ритм политических изменений, защищая себя от авторитарных или патерналистских тенденций [17, р. 159]. Таким образом, очевидно, что Ф. Ферраротти является сторонником идеи о том, что необходимым императивом в рамках информационного общества является участие граждан в принятии политических решений.

Ключевым вопросом при оценке роли информационных технологий в обществах Второго модерна является то, насколько властные структуры и гражданское общество сумеют использовать возможности, предоставляемые новыми каналами информации и коммуникации, чтобы усиливать позиции базовых представительных институтов, объединяющих граждан и общество. Ведь если информатизация бурно развивается «наверху», не проникая в общество, она лишает граждан возможности следить за деятельностью госструктур, проверять их, а потому не только не делает государственную деятельность прозрачной, но и может усилить монополию государства на информацию. Коммуникативная информатизация «наверху» даст в руки правящей элиты дополнительные шансы манипуляции обществом и отдельным человеком. Технология может изменить методы регулирования, но не меняет их сути. Информационная открытость не станет прямым следствием оцифровки отношений граждан и государственных институтов и вряд ли приведет к либерализации общественных отношений.

Итак, Второй модерн в интерпретации авторов концепта является новым политическим проектом, который формируется и существует в обществе рисков и условиях мирового сообщества. И хотя скорее можно говорить про определение направления поисков ответов на поставленные вопросы, чем об окончательной интерпретации Второго модерна как общественного явления, сформулированные на сегодня идеи способствуют определению характера эволюции политического участия граждан на национальном и глобальном уровнях.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Giddens, A. *The Consequences of Modernity* / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1990. – 188 p.
2. Интервью с профессором Ульрихом Беком // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI. – № 1. – С. 5–23.
3. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
4. Beck, U. *The reinvention of politics: Toward a theory of reflexive modernization* / U. Beck, A. Giddens, S. Lash // *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetic in the modern social order*. – Cambridge : Polity Press, 1994. – P. 1–55.
5. Драгунский, Д. Массовые инициативы в эпоху второй модернизации / Д. Драгунский // *Космополис*. – 2006. – № 1(15). – С. 5–10.
6. Beck, U. *Risk society: Toward a new modernity* (Published in association with Theory, Culture & Society) / U. Beck. – London, 1992. – 260 p.
7. Кононов, І.Ф. Глобалізація: походження ризиків та можливості управляти ними / І.Ф. Кононов // *Сучасні суспільні проблеми у вимірі соціології управління* : Збірник наук. праць ДонДУУ. Т. X. Вип. 116 «Соціологія державного управління». Сер. «Спеціальні та галузеві соціології». – Донецьк : ДонДУУ, 2009. – С. 232–342.
8. Ротар, Н. Політична участь громадян України у системних трансформаціях перехідного періоду : монографія / Н. Ротар. – Чернівці : Рута, 2007. – 472 с.
9. Бек, У. Космополитическое общество и его враги / У. Бек // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2003. – Том VI. – № 1. – С. 24–53.
10. Миллер, М.Дж. Неграждане: участие в политической жизни и политическое представительство / М. Дж. Миллер // *Российский бюллетень по правам человека*. – 1995. – Вып. 7. – С. 85–95.
11. Хабермас, Ю. Гражданство и национальная идентичность / Ю. Хабермас // *Демократия. Разум. Нравственность*. – М. : АО „КАМІ», ACADEMIA, 1995. – С. 38–58.
12. Konopacki, S. *Citizenship in a global context* / S. Konopacki // *National and Ethnic Identity in the European context*. – Lodz, 2000. – P. 202–217.
13. Брубейкер, У.Р. Членство без гражданства: экономические и социальные права «неграждан» / У.Р. Брубейкер // <http://www.hrights.ru/text/b7/Chapte4.htm>.
14. Lardy, X. *Citizenship and the right to vote* / X. Lardy // *Oxford journal of legal studies*. – Oxford, 1997. – Vol. 17. – № 1. – P. 75–100.
15. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – С. 78.
16. Даль Р. Демократия и её критики / Р. Даль. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 144.
17. Ferrarotti, F. *The myth of inevitable progress* (Contributions in Political Science) / F. Ferrarotti [Текст]. – Westport (Conn.); London, 1985. – 208 p.

Rotar N.Y. Political Participation in the Era of the Second Modern: in Search of an Adequate Model

The author substantiates the idea that the Second modern interpretation of the authors of the concept is a new political project, which is formed and there is a risk in the community and the global community. It is established that more can be said about the determination of the direction search for answers to these questions, than of the final interpretation of the Second modernity as a social phenomenon, and the formulated ideas of today's contribute to defining the nature of the evolution of political participation of citizens at the national and global levels.

Рукапіс паступиў у рэдкалегію 15.02.2012